

Она несколько раз позвала Цзи Личэн по имени, но в ответ услышала лишь её едва слышное дыхание. Вокруг стояла пугающая тишина.

Внезапно эту тишину нарушил резкий, неприятный звук, доносившийся из-под кровати — будто кто-то скреб ногтями по дереву.

Словно завороченная, она невольно заглянула вниз, и в тот же миг чья-то мощная сила рывком затащила её под кровать. Крик о помощи захлебнулся в горле.

Когда она снова открыла глаза, то увидела собственный труп.

Линь Цзин поняла: она мертва, и теперь стала призраком.

Да, она умерла.

Она своими глазами видела, как остальные члены группы равнодушно отнеслись к её телу, даже ожидая, когда его съедят монстры.

Лишь та самая девочка, которую она вечно задирала — маленькая и милая, — закрыла ей глаза, отмыла пятна с одежды, нашла красивое место для упокоения и посыпала могилу розовыми лепестками персика.

Став призраком, она скиталась по деревне Юнью и из разговоров других духов узнала правду о призраке в усадьбе семьи Чжоу.

Оказалось, что двух предыдущих невест погубила барышня из семьи Сунь. Она жестоко расправилась с ними, привязав к дереву софоры у въезда в деревню.

Барышня из семьи Сунь с детства была влюблена в молодого господина Чжоу и даже после смерти Чжоу Гуйцаня хотела заключить с ним призрачный брак, чтобы остаться рядом. Однако её одержимость была болезненной, а поступки — чудовищными.

В итоге две предыдущие невесты отомстили ей, казнив тем же способом. Это было заслуженное возмездие, но та, умирая, напоследок убила ни в чём не повинную Линь Цзин.

Линь Цзин тайно выслеживала барышню из семьи Сунь, дожидаясь шанса отомстить.

В полночь она услышала от мелких духов, что в усадьбе семьи Чжоу видели призрак барышни Сунь.

Она помчалась в усадьбу Чжоу и наткнулась там на одинокую Цзи Личэн. Линь Цзин последовала за ней, но обнаружила, что не может проходить сквозь стены — она была слишком молодым призраком и не обладала особыми способностями. Она могла вселяться только в животных или кукол.

Находясь снаружи туалета, она почуяла опасность. Вместе с подросшим Вэнь Хэли они начали звать Цзи Личэн по имени. К счастью, та их услышала. Ярость барышни Сунь была столь велика, что созданный ею барьер мог разрушить только голос извне.

Линь Цзин наконец совершила поступок, который помог ей. Барышню Сунь утащили другие невесты, и в конце концов её душа развеялась.

Месть свершилась, но сама она уже не могла вернуться к прежней жизни.

Она не принадлежала этому миру, а в тот, внешний, пути больше не было.

—

Цзи Личэн решила вечером поговорить с госпожой Чжоу о призрачном браке её сына Чжоу Гуйцаня и Чуньлая.

— Почему бы не пойти к господину Чжоу? Мне кажется, с ним проще договориться, он весь день ходит такой довольный, — спросил Сун Муяо.

— Ты знаешь, что такое улыбающийся тигр? — ответил Вэнь Хэли. — С виду он кажется приветливым, но на деле ставит свои интересы превыше всего, а собственная репутация для него важнее чего бы то ни было.

Цзи Личэн показалось, что Вэнь Хэли намекает на кого-то другого.

— Потому что он напоминает мне отца, — сказала Цзи Личэн. — Поэтому он мне не нравится.

Сун Муяо понимающе закивал: он тоже не любил своего отца, который вечно поучал его и запрещал делать то одно, то другое.

Служанка доложила о гостях, и госпожа Чжоу пригласила их к себе в покои. Цзи Личэн шла первой, а Вэнь Хэли и Сун Муяо следовали за ней.

Госпожа Чжоу, как обычно, была холодна. Она выглядела строгой и чопорной, каждое её движение выдавало женщину из знатного рода.

Они вошли, поклонились, и все трое расселись в ряд.

Вэнь Хэли и Сун Муяо ждали, когда Цзи Личэн начнёт свой спектакль.

— Госпожа Чжоу, вам случайно в последнее время не снился ваш дорогой сын? — спросила Цзи Личэн.

— Именно так, вчера я видела во сне своего младшего, — ответила госпожа Чжоу. — Но откуда вы об этом узнали, барышня Цзи?

Цзи Личэн сделала маленький глоток чая и неторопливо произнесла:

— Не стану скрывать, я немного владею искусством гадания.

Вэнь Хэли: — ...

Сун Муяо: — В искусстве пудрить мозги я преклоняюсь только перед Чэнцзы.

Выражение лица госпожи Чжоу изменилось, в нём появилось некое подобие благоговения:

— Барышня, на самом деле вчера сын приходил ко мне во сне, но это касалось...

Видя, что госпоже Чжоу трудно подобрать слова, Цзи Личэн продолжила:

— Если я не ошиблась в гадании, речь шла о призрачном браке вашего сына?

— Поразительно, всё верно! Значит, вы и вправду умеете гадать? — глаза госпожи Чжоу округлились.

— На самом деле, — добавила Цзи Личэн, — я ещё немного умею толковать сны.

— Госпожа Чжоу, можете рассказать мне всё, вдруг я смогу вам помочь? — мягко подталкивала она собеседницу.

— Это... понимаете... мой Гуйэр, он любил... он любил мужчин, — госпожа Чжоу говорила прерывисто, едва слышно. — Разве это не странно? Он должно быть был болен. Мужчина, любящий мужчину — в нашей деревне такого никогда не случалось. Но... это было его желание. С самого детства мы давали ему всё, что он хотел. Он так старался, стал единственным студентом в нашей деревне... — голос госпожи Чжоу дрогнул, она едва сдерживала слёзы. — Гуйэр всегда был нашей гордостью, и когда он признался нам... я не могла в это поверить, я просто упала в обморок. Я правда не знаю, что теперь делать.

Горе от потери сына становилось всё сильнее.

— Он заболел и из-за этого лишился жизни, — продолжала госпожа Чжоу. — Мы просто хотели устроить ему призрачный брак, чтобы он не был там один.

Услышав слова Цзи Личэн, госпожа Чжоу перестала всхлипывать. Девушка говорила мягко, её голос, холодный и чистый, совсем не вязался с её миловидной внешностью, но в нём звучали решимость и утешение.

— Молодой господин Чжоу не был болен, он просто полюбил человека. Если отбросить вопросы пола и продолжения рода, в том, что они были вместе, нет ничего странного. К тому же, вы должны знать: Гуйцань от начала и до конца любил только Чуньяя.

— Я знала... — госпожа Чжоу снова разрыдалась, вытирая слёзы платком. — Я всегда знала. Это я... это мирские предрассудки и пересуды погубили наших детей.

Сун Муяо серьёзно добавил:

— Тётушка, неужели так важно, кого любить — мужчину или женщину? Даже если заставить двух людей, которые не любят друг друга, быть вместе, это закончится трагедией, и больше всего пострадают дети.

Цзи Личэн впервые видела Сун Муяо таким. Она и представить не могла, что такой по-детски непосредственный парень способен на столь глубокие мысли.

Вэнь Хэли всё это время молча слушал, изредка кивая. Услышав слова Сун Муяо, он словно подвёл итог:

— Дети, на которых возлагают огромные надежды, очень устают. И дети, которые живут ради ожиданий родителей, тоже очень устают.

Госпожа Чжоу рыдала навзрыд. Служанка хотела вытереть ей слёзы, но та отказалась:

— Я поняла. Но мой сын заплатил жизнью, чтобы я осознала эту истину.

— Госпожа Чжоу, ещё не поздно, — сказала Цзи Личэн. — Исполните его последнее желание, позвольте ему быть с тем, кого он любит.

— Гуйэр прошлой ночью просил меня во сне устроить ему свадьбу с Чуньлаем, — сказала госпожа Чжоу. — Но я не знаю, хочет ли этого сам Чуньлай? Согласится ли он жениться на моём сыне?

— Чуньлай согласен, — ответила Цзи Личэн. — Они любят друг друга.

— Любят друг друга... как хорошо, что любят друг друга, — бормотала госпожа Чжоу.

—

Под уговорами госпожи Чжоу господин Чжоу тоже отбросил гордость, и супруги решили выполнить последнее желание сына.

В тот же день они послали сватов. Чуньфу-дурачок и его жена выразили поддержку: они готовы были на всё, лишь бы их сын был счастлив.

В день свадьбы — впервые в истории деревни Юнью — состоялся призрачный брак между двумя мужчинами. Все триста жителей деревни пришли в усадьбу Чжоу; это была первая свадьба, на которую явились решительно все.

Все знали об их любви и стали свидетелями этого союза.

Чжоу Гуйцань устроил для Чуньлая самую роскошную свадьбу: двести лянов золота, десять тысяч лянов серебра, два серебряных таза и сотня отрезов парчи.

Он собственноручно переписал стихи на складной веер из редкого бамбука, на котором было выведено: Персиковое дерево молодо, цветы его яркие и пышны. Девушка выходит замуж, принося мир и гармонию в семью. Персиковое дерево молодо, плоды его обильны. Девушка выходит замуж, принося мир и гармонию в дом. Персиковое дерево молодо, листья его густы и зелени. Девушка выходит замуж, принося мир и гармонию в род.

Последним свадебным даром стало театральное одеяние, сшитое по заказу Чжоу Гуйцаня в лучшей городской мастерской из самой дорогой ткани, напоминающее прекрасный красный наряд невесты.

В день свадьбы восемь носильщиков несли паланкин, украшенный белыми парусами, под звуки суоны.

Чуньлай вышел из паланкина в короне феникса и расшитом халате. Его красота была ошеломляющей.

Деревенские дети говорили, что эта невеста — самая красивая, которую они когда-либо видели в деревне Юнью.

Цзи Личэн тоже подумала, что Чуньлай — самая прекрасная невеста на её памяти.

Чуньлай обнял поминальную табличку Чжоу Гуйцаня, а стоявшая рядом сваха громко провозгласила:

— Поклон Небу и Земле!

— Поклон родителям!

— Поклон друг другу!

— Два рода породнились, союз заключён. Пусть этот прекрасный союз продлится вечно. Глядя на цветущие персики, желаем мира и уюта вашему дому, пусть потомство будет многочисленным, а род — процветающим. Скрепляем наш союз клятвой до седых волос, записываем его на красной бумаге, дабы навсегда запечатлеть в брачных списках. Свидетельствуем!

Родители улыбались, гости ликовали, и всё вокруг казалось безмятежным, пока они были свидетелями этого союза.

— Церемония завершена, проводите молодых в опочивальню!

Однако произошло то, чего никто не ожидал: вскоре после этого Чуньлай, сжимая в объятиях табличку Чжоу Гуйцаня, покончил с собой в персиковом саду. Был третий месяц весны, персики цвели особенно пышно.

— Персиковое дерево молодо, цветы его яркие и пышны.

Только Цзи Личэн и её друзья знали: Чуньлай умер там, где они впервые встретились, в день, когда, как они и договаривались, зацвели персики.

Они вместе смотрели, как распускаются персики в деревне Юнью.

После смерти Чуньлая семья Чжоу похоронила их в одном гробу, в одной могиле.

Если не могли делить одно ложе при жизни, то после смерти упокоились в одной могиле — это была печальная, но бесконечно романтическая любовь, подумала Цзи Личэн.

—

В тот же день Чжоу Гуйцань, как и обещал, явился во сне к Цзи Личэн вместе со своим возлюбленным Чуньлаем.

Оба были в праздничных одеждах, на их лицах сияли счастливые улыбки. Цзи Личэн, ценительница красоты, не могла налюбоваться этой картиной.

Чжоу Гуйцань смотрел на Чуньлая с обожанием, и когда Цзи Личэн задержала на нём взгляд, он тут же обнял Чуньлая за талию, притянул к себе и сказал:

— Это моя супруга, нечего на неё смотреть.

Затем добавил с нагловатой усмешкой:

— Если хочешь на кого-то смотреть, найди себе свою.

— Ну и ну... — Цзи Личэн подумала, что Чжоу Гуйцаню от силы года три, не больше.

Видя, что они наконец вместе, она почувствовала удовлетворение. Теперь её волновал только вопрос, как выбраться отсюда.

— Вы можете сказать мне то, что я хотела узнать? — спросила Цзи Личэн.

— М-м? Ты просишь меня... — протянул Чжоу Гуйцань.

Цзи Личэн про себя выругалась.

— Гуйцань, будь повежливее с барышней, она наш великий благодетель, — прервал его Чуньлай.

— Храм Божества горы, — Чуньлай подошёл к Цзи Личэн, его голос звучал мягко и нежно. — То, что ты ищешь, может находиться в Храме Божества горы. Через несколько дней у нас в деревне будет праздник в честь Божества горы. А за день до него, пятнадцатого числа седьмого месяца, будет праздник монстров. Мы надеваем маски, притворяемся монстрами и идём на торжество, там можно выменять интересные вещи.

Чуньлай добавил с серьёзным лицом:

— Но помни: если не спустишься с горы до полуночи, можешь не найти обратной дороги. Заблудишься, и монстры раскроют, кто ты такая.

— А что будет, если они узнают? — спросила Цзи Личэн.

— Ха, в лучшем случае станешь рабом монстров, в худшем — они разорвут тебя на части и съедят, не оставив даже косточек, — ответил Чжоу Гуйцань.

Говоря это, он скорчил страшную рожу, пытаясь напугать Цзи Личэн.

Но та, пережив встречу с барышней Сунь, уже выработала иммунитет к подобным выходкам.

Розыгрыш не удался. Чжоу Гуйцань и Чуньлай, держась за руки, растворились в её сне.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Праздник монстров

Вскоре наступило пятнадцатое число седьмого месяца по лунному календарю — праздник Чжунъюань, известный как День духов. Говорят, в этот день открываются врата ада, и это последний срок, когда неприкаянные души могут оставаться в мире живых.

Чапай предупредил, что с каждым днём мир монстров становится всё опаснее. Если не найти выход в первые дни, потом будет только сложнее. К тому же, в праздник Чжунъюань опасные призраки и монстры выходят на улицы особенно активно.

Чапай предложил держаться вместе и не отходить от группы, предупредив, что за последствия каждый отвечает сам.

Группа пришла в деревню, чтобы собрать информацию. По обочинам летели бумажные деньги, а жители сжигали ритуальные подношения.

— Чёрт, на что это я наступил? — внезапно воскликнул Чжан Вэй.

Он поднял ногу, и все увидели, что к его подошве прилипла жёлтая бумажка.

— Твою мать, какая гадость, это же деньги для мёртвых! — Чжан Вэй поспешно сорвал

бумажку и выбросил её на дорогу.

— Хватит, перестань орать! Ты не видишь, как на тебя смотрят жители? В День духов так шуметь — ты что, жить надоело? — Чапай поправил очки, его лицо было суровым. — Если тебе не дорога жизнь, не подставляй нас.

Чжан Вэй открыл рот, хотел что-то сказать, но промолчал.

Вэнь Хэли опустил взгляд, его глаза потемнели:

— В День духов нельзя просто так наступать на ритуальные деньги.

— Это подношение духам. Когда их сжигают, души собираются вокруг, чтобы забрать их. Они решат, что ты отнимаешь у них деньги, так что лучше будь осторожнее, — добавила Цзи Личэн, пытаясь разрядить обстановку.

После случая с Чжан Вэем все стали ходить куда осторожнее, стараясь не нарушать табу.

Они вышли на пустырь, где дети весело играли, бегая вокруг. В воздухе звенел их невинный смех.

Дети, смеясь, пели детскую песенку:

Врата открылись, призраки вышли,

Призраки горько плачут,

Тофу продают,

Тофу прокис,

Жарят яичницу,

Яйца, яйца, стук-стук,

Внутри сидит братец,

Братец вышел на кладбище,

Внутри сидит бабушка,

Бабушка вышла жечь благовония,

Внутри сидит девица,

Девица вышла зажечь лампу,

Упала в реку, не вернулась.

Седьмое число, пятнадцатый день,

Зажигают огниво,

Огниво расцветает,

Продают дыни,

Дыни горькие,

Продают тофу,

Тофу прокис,

Жарят яичницу,

Яйца, яйца, стук-стук,

Внутри сидит братец,

Братец вышел встречать призраков.

— Хи-хи-хи-хи, — закончив, дети дружно рассмеялись.

Звонкий смех в сочетании с жуткой песенкой заставил всех вздрогнуть.

— Сестрица, они поют так страшно, у-у-у, — Сышуй, увидев эту жуткую картину, уткнулась в объятия сестры.

— Сышуй, не бойся, просто не слушай, — Шаньшань закрыла сестре уши, пытаясь её успокоить.

Дети продолжали петь:

Внутри сидит бабушка,

Бабушка вышла жечь благовония,

Внутри сидит девица,

Девица вышла в гости,

Потеряла голову, не вернулась.

Седьмое число, пятнадцатый день,

Провожают призраков,

Призраки ушли, врата закрылись,

Врата ада,

Продают тофу,

Тофу прокис,

Жарят яичницу,

Яйца, яйца, стук-стук,

Внутри сидит братец,

Братец вышел собирать трупы,

Внутри сидит бабушка,

Бабушка вышла жечь благовония,

Внутри сидит девица,

Девица вышла звать душу,

Повесилась на дереве, не вернулась.

— Эта песенка кажется мне знакомой, — сказала Цзи Личэн.

Сун Муяо скривился:

— Ты называешь это песенкой? От такого ужаса у детей по соседству слёзы на глазах.

Глаза Чапая блеснули, тон стал мягче:

— Чэнцзы, ты правда её слышала? Возможно, это подсказка.

Вэнь Хэли внезапно произнёс:

— Я тоже слышал.

— Мы что, слышали одно и то же? — Цзи Личэн игриво подмигнула Вэнь Хэли.

Тот поднял веки и посмотрел на неё:

— Возможно.

Цзи Личэн, напрягая память, пробормотала:

— Лунный пирожок, внутри сидит папа. Папа вышел купить овощи, внутри сидит бабушка. Бабушка вышла вышивать, вышивать цыба. Цыба упал в колодец, стал лягушкой.

— Скорее всего так: Лунный пирожок, в кармане сидит папа, папа вышел купить овощи, в кармане сидит бабушка. Бабушка вышла вышивать, вышивать цыба. Цыба упал в колодец, стал лягушкой, — Вэнь Хэли бегло пропел это на диалекте Чанша.

Цзи Личэн застыла в изумлении. Она слышала это лишь однажды, в телепередаче, и с тех пор помнила.

— Здесь «папа» на диалекте Чанша звучит как «диа», что означает дедушка. «Цза» — это на чаншаском «штука». «Гама» — это лягушка. «Лунный пирожок» выражает тоску по близким, — пояснил Вэнь Хэли.

— Птичка, ты из Хунани? Так бегло говоришь на чаншаском, — спросила Цзи Личэн.

Вэнь Хэли ответил:

— Можно сказать и так. Моя бабушка родом из Чанша, это она меня научила.

Мальчик слегка опустил голову, его длинные, как крылья ворона, ресницы были отчётливо

видны, а солнечный свет, падавший на него, словно окутывал его мягким сиянием.

Цзи Личэн показалось, что, когда он говорил о бабушке, его взгляд стал таким нежным, что он казался совсем другим человеком, не тем замкнутым и холодным парнем, которого она знала.

— Цыба, лягушка? Тофу, яйца? — бормотал Чапай.

— Почему всё так сложно, это что, загадка? — спросил Чжан Вэй.

Шаньшань добавила:

— Эти четыре вещи, кажется, никак не связаны?

— Кроме того, что три из них — еда, а одна — животное, мне ничего в голову не приходит, — Сун Муяо почесал свой короткий ёжик на голове, с досадой выдирая несуществующие волосы.

— Дедушка, бабушка? Братец, девица? — тихо повторял Вэнь Хэли.

— Еда! Яо-мэй, ты гений, как я сама не догадалась! — Цзи Личэн хотела взъерошить ему волосы, но из-за того, что он был выше, смогла только похлопать по плечу.

— Ха-ха, ты сейчас хотела погладить меня по голове, да? — Сун Муяо опустил голову, Цзи Личэн потянулась, но он тут же подпрыгнул, дразнясь: — Не достала, ха-ха, не достала! Бе-бе-бе, ты слишком низкая!

<http://bllate.org/book/20940/2122901>